

Е.Я. Биллер

ХУДОЖНИК ВИЛЛЕВАЛЬДЕ, СЫН НЕМЕЦКОГО КОЛОНИСТА ИЗ ИЖОРЫ

Статья посвящена истории, связанной с исследованием вновь открытых документов, позволивших вопреки устоявшейся традиции доказать, что выдающийся мастер батальной живописи, русский художник Богдан (Готфрид) Павлович Виллевальде (31.12.1818/12.01.1819–24.03.1903) происходит из среды немецких колонистов. Хотя творческая судьба художника достаточно подробно изучена, в публикациях современных исследователей имеются белые пятна, явные противоречия и неопределенность в том, что касается биографии художника. В результате исследования и анализа документов сделан убедительный вывод о том, что отцом Б.П. Виллевальде был не некий анонимный «богатый иностранец из Баварии», а конкретный колонист из немецкого поселения Ижора под Санкт-Петербургом. Отец художника, Пауль Виллевальд, прибыл в Россию вместе с другими переселенцами из Германии в 1765 г. по призыву Екатерины II в соответствии с ее знаменитым Манифестом. Благодаря своим хозяйственным и организаторским способностям Пауль, будучи уже в преклонном возрасте, перебрался из Ижорской колонии в Павловскую Ферму императрицы Марии Федоровны для работы в качестве управляющего. По мнению участников группы потомков первых немецких колонистов под Санкт-Петербургом и в Новгородской губернии, принимавших участие в исследовании метрических записей лютеранского Новосаратовского прихода, именно в Павловске в 1818 г. в семье Пауля Виллевальда и Екатерины (дев. Паль) родился будущий художник Готфрид Виллевальде.

Ключевые слова: художник-баталист Богдан (Готфрид) Павлович Виллевальде, немецкие колонии в России, метрические книги лютеранских приходов, сообщество потомков первых немецких колонистов под Санкт-Петербургом и в Новгородской губернии, Российский государственный исторический архив (РГИА), Императорская Академия художеств, императрица Мария Федоровна.

E.Ja. Biller

**PAINTER WILLEWALDE,
SON OF THE GERMAN SETTLER FROM IZHORA**

This article presents a story related to research of the newly discovered documents, that made it possible, in contrary to established opinion, to prove, that the great battle painter, the Russian artist Bogdan (Gotfried) Pavlovich Willewalde (31.12.1818/12.01.1819–24.03.1903) descends from the community of the German settlers (colonists). Although the creative career of the artist is studied sufficiently completely, there are some blank spaces, apparent contradictions and uncertainties, related to the artist's biography in the modern research publications. The documents examination and analysis allows for the conclusion that the father of B.P. Willewalde has been not a certain nameless "rich foreigner from Bavaria" but a concrete person from the German settlement Izhora at Saint Petersburg. The artist's father Paul Willewald arrived in Russia, together with other German settlers in 1765, at the invitation of Catherine II, in accordance with her famous manifesto. Due his skills Paul, being a man of years, obtained employment as a land-steward at the farm of Empress Maria Fedorowna, and moved from Izhora settlement to Pavlovsk.

In the view of the team members, descendants of the first German settlers at Saint Petersburg and Novgoroder province, participated in examination of register of births, marriages, and deaths of the Lutheran church in the Novo-Saratovka settlement, it was the Pavlovsk, where in 1818 in the family of Paul Willewald and Catherine (nee. Pahl) the future artist Gotfried Willewalde was borne.

Keywords: battle painter Bogdan (Gotfried) Pavlovich Willewalde, German settlements in Russia, register of births, marriages, and deaths of the Lutheran church, team for descendants of the first German settlers at Saint Petersburg and in the Novgorod province, the State Archive of the Russian Federation (RGIA), the Imperial Academy of Arts, Empress Maria Fedorowna.

В 2018 г. произошло замечательное событие в истории русского изобразительного искусства — исполнилось 200 лет со дня рождения Богдана Павловича Виллевалде, живописца, академика, заслуженного профессора батальной живописи, члена Совета Императорской Академии художеств.

Можно сказать, что творческая судьба художника достаточно полно изучена. Ей посвящены работы искусствоведов, начиная со статьи В. Чуйко в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1890—1907) и заканчивая рядом публикаций современных исследователей, таких как Елена Анатольевна Боровская, Олег Васильевич Шереметьев, Лариса Валентиновна Бардовская. Очевидно, нет необходимости пересказывать все написанное, но надо отметить, что в работах перечисленных авторов имеются белые пятна, явные противоречия и неопределенность в том, что касается биографии художника.

Я впервые обратил внимание на творчество Виллевалде еще в молодости, часто бывая в Эрмитаже, а потом, в 1983 г., — во время первого посещения Новгородского художественного музея. В просторном переходе на второй этаж перед анфиладой выставочных помещений размещено монументальное полотно «Открытие памятника “Тысячелетие России” в Новгороде в 1862 г.» (рис. 1).

Рис. 1. Б.П. Виллевалде «Открытие памятника “Тысячелетие России” в Новгороде в 1862 году». 1864. Холст, масло. 248×387 см

Не может не заинтересовать огромная многофигурная композиция, посвященная открытию этого замечательного памятника, который теперь является не только украшением Великого Новгорода, но и его символом. Мне, наверное, как и многим другим, фамилия Виллевальде показалась тогда имеющей отношение к Франции. Затем встречались произведения художника и в других музеях, стали известны некоторые факты его биографии.

Было распространено мнение, что правила военного искусства, которым отвечали композиции академических художников-баталистов XIX в., заглавная роль полководцев или российских императоров в различных кампаниях не позволяли им подняться до философского осмысления войны как трагедии. Между тем у В.В. Верещагина, к примеру, редко встречались сцены поединков или изображения сражений больших воинских формирований. Все эти обстоятельства стали подогревать общественный интерес к творчеству академистов-баталистов, тем более что когда-то этот жанр считался самым почетным в русском искусстве. Одним из выдающихся мастеров-баталистов был Богдан (Готфрид) Павлович Виллевальде (31.12.1818/12.01.1819—24.03.1903).

Из Википедии: сын богатого иностранца из Баварии, Готфрид Виллевальде родился в Павловске в 1818 г. (ст. ст).

История знакомства с интересным, прежде всего для потомков питерских немецких колонистов, открытием началась еще в 2013 г. Открытие, о котором идет речь, состоит в том, что давно замеченное сходство фамилии художника Виллевальде с фамилией Виллевальд колонистов, поселившихся в немецкой земледельческой колонии Ижора под Санкт-Петербургом в 1766 г., а затем, уже в XIX в., оказавшихся в колониях Новгородской губернии, вызывало естественное предположение: не было ли происхождение Богдана Павловича каким-то образом связано с немецкими колониями? Фантастичность, на первый взгляд, этого предположения не помешала серьезно заняться поисками. В итоге, несмотря на утерю бесценных метрических записей, которые могли бы конкретно указать на семью, в которой родился художник Виллевальде, удалось убедительно доказать то, что в определенной степени противоречит общепризнанной и растиражированной версии о «сыне богатого иностранца из Баварии». Можно сказать следующее: до настоящего времени вопросом происхождения Богдана Павловича никто особенно не интересовался. А возможно, и сам художник не стремился это афишировать.

Начать рассказ следует издалека, когда участниками сообщества потомков первых немецких колонистов под Санкт-Петербургом и в Новгородской губернии (речь идет о Марине Мелиной, Анатолии Гевейлере и Ирине Кибиной) была обнаружена рядовая запись в метрической книге немецкого лютеранского Новосаратовского прихода Санкт-Петербургской губернии, которая гласила, что 11 октября 1839 г. неженатым умер 21-летний поселянин Ижорской колонии Пауль Конрад Виллевалд, сын ижорского колониста Пауля Виллевалда¹. Если быть точнее, то в соответствии с установленными правилами в метрических записях лютеранских приходов возраст на момент смерти указан гораздо определеннее — 21 год 7 месяцев и 13 дней. Путем несложных подсчетов можно определить дату рождения: 26 февраля 1818 г.:

*Paul Conrad *26.02.1818 (нет метрик) Ischora †11.10.1839 ledig (31.38), Sohn des Kolonisten Paul Wilewald aus Ischora.*

Здесь и далее приводятся краткие пояснения по выпискам из метрических записей:

- КВ — церковные (метрические) книги, в которые пастором заносились записи о рождении, бракосочетании и смерти прихожан;
- * родился;
- † умер;
- оо — сочетание браком (Iоо — первым браком, IIоо — вторым браком).

Кроме того, по результатам исследований КВ еще раньше было известно, что отец Пауля Конрада, Пауль Виллевалд-старший, умер в 1840 г., будучи женатым вторым браком:

KB Saratowka 1840: Paul Wilewald † mit 94 J. aus Regensburg gebuertig. Erste Ehe — 45 Jahre lang, 2 Ehe — 28 J. Hatte 10 Kinder, 27 Enkeln, 82 Urenkeln und 13 Ur-Urenkeln².

В записи о смерти Пауля Виллевалда указано: умер 5 марта в 5 часов утра, захоронен 10 марта, колонист Ижоры, умер в возрасте 94 лет 2 месяцев и 4 дней (то есть дата рождения — 1 января 1746 г.), на момент смерти был женат, умер от желтухи, в последнем столбце пастор оставил такую запись: прибыл в Россию в 1765 г., в первом браке прожил 45 лет (примечание: с Марией Магдаленой Краус),

во втором — 28 лет, имел 10 детей, 27 внуков, 82 правнука и 13 праправнуков.

Согласитесь, личность Пауля — сама по себе весьма примечательна. Взять, например, хотя бы тот факт, что отмеченное выше появление на свет Пауля Конрада произошло, когда отцу ребенка уже стукнуло 72 года! Пауль Виллевальд прибыл в Россию вместе с другими переселенцами из Германии по приглашению Екатерины II в соответствии с ее знаменитым Манифестом, имел хозяйство в немецкой земледельческой колонии Ижора, находившейся в Колпино.

Интуиция подсказывала, что если рождение художника Богдана (Готфрида) Виллевальде предположительно связано с семьей Пауля-старшего, то нужно более подробно исследовать все записи метрических книг, каким-либо образом касающиеся судьбы этого «энергичного старца» и относящиеся к периоду первых десятилетий XIX столетия. Несмотря на отсутствие прямых записей о второй супруге Пауля, о ней также нашлись косвенные сведения, вследствие чего можно уверенно предположить:

*Katharina Willewald geb. Pahl *1776 †14.12.1862 — im Original: 86 J. Sankt Petersburg.*

Путем различных построений удалось также убедительно показать, что, вероятно, Катарина была вдовой к 1812 г. и примерно в это время вышла замуж за вдовца Пауля Виллевальда. Женщина была еще молодая — 34 года, а Паулю уже было 66 лет.

Как говорилось выше, можно с большой долей вероятности утверждать, что они родили Paul Conrad *26.02.1818, а через 10 месяцев на свет появился Gottfried. Интересный факт: в предыдущем браке Пауля-старшего дети дважды рождались с перерывом менее чем в год.

Но предстояло еще убедиться в том, действительно ли Готфрид, будущий художник Богдан Павлович Виллевальде, родился именно в семье Пауля Виллевальда и Катаринины Паль? Благодаря поискам в записях уже за 1840 г. была обнаружена интересная информация, касающаяся семейства Виллевальдов. Оказывается, буквально через месяц после кончины отца в возрасте 25 лет на Христине Крафт из Александровской колонии, что под Новгородом, женится Лоренц — старший сын Пауля. Версия о том, что у Готфрида был брат Лоренц 1815 г. рождения, в дальнейшем подтвердится и, более того, окажет существенную помощь в построении доказательств, указывающих

на факт, который на сегодняшний день у нас практически не вызывает возражений: Лоренц, Пауль Конрад и Готфрид были сыновьями Пауля-старшего и Катарины Паль.

Сомнения относительно убедительности версии рождения будущего художника в колонистской семье в значительной мере были сняты благодаря информации, обнаруженной участником группы потомков Е.Я. Арсеньевой (Плетцер). Елена Яковлевна, очень скрупулезная в поисках и фиксации нужных документов, нашла много материалов, касающихся различных линий рода Виллевальд, которые интересны сами по себе, но в первую очередь непосредственно относятся к нашему повествованию. Главная находка состоит в том, что в метрических записях Новосаратовского прихода за 1861 г.³ она обнаружила и смогла прочитать (что, поверьте, не так уж просто) бесценную для нашего исследования информацию о рождении у Лоренца мальчика с именем Пауль (рис. 2), названного так, очевидно, в честь дедушки. Все бы ничего, но посмотрите, кто были крестными у ребенка!

Вот прямое, как нам кажется, доказательство всех теоретических построений, ведь черным по белому написано, что крестным являлся Готфрид Виллевальд — профессор Академии художеств.

Кроме того, существуют аналогичные записи о рождении у Лоренца других сыновей: 14.05.1846 — Готфрида Пауля; 23.09.1848 — Карла Лоренца.

А в 1856 г. у Лоренца и его жены родилась дочка Августина, причем среди крестных была уже Августина, ур. Шооб, жена художника Виллевальде. Другие метрические записи также говорят о том, что Богдан Павлович Виллевальде и его жена Августина Шооб постоянно участвовали в жизни своей колонистской родни и не чурались ее.

Уже после проведенного нами расследования, при внимательном ознакомлении со статьей члена Союза художников России А. Пере-

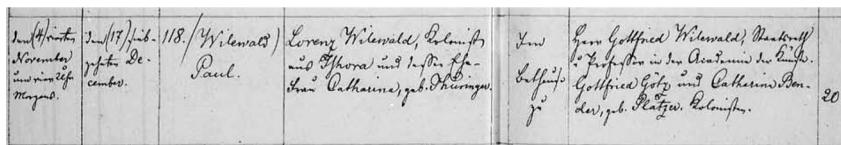

Рис. 2. Записи в метрической книге Новосаратовского прихода. В графе «Восприемники» — Готфрид Виллевальд, статский советник и профессор Академии художеств, Готтфрид Гётц, Катарина Бендер, урожденная Плетцер. Колонисты

вышко, посвященной художнику Н.С. Самокишу (2003 г.), обнаружилась замечательная информация, которая напрямую подтвердила наше открытие. Исследователь пишет: *«С теплотой вспоминает Самокиш о своем учителе как о добром человеке. Виллевалде был сыном немецкого колониста, родился в России под Петербургом»*⁴.

Интерес к личности художника Б.П. Виллевалде оказался настолько серьезным, что возникло естественное желание найти дополнительные документы, которые помогли бы понять, что это был за человек.

Самое время немного рассказать о личности художника через призму его творческого пути. В постоянной экспозиции Михайловского замка (Русский музей) «Лица России» есть зал, в котором представлены портреты деятелей российской культуры XIX в. Когда я увидел миниатюру с портретом «нашего» Готфрида, то у меня возникло ощущение, что я встретился со старым знакомым. Следует сказать, что во многих изданиях это изображение ошибочно называется автопортретом. Но это не так: художник А.А. Беземан представил на звание академика данный портрет, который был одобрен академическим советом. Адольф Андреевич (19 мая 1806, Геттинген — 1867) — живописец, профессиональное образование получил в Германии. С 1823 г. работал в Петербурге как художник Департамента герольдии.

На ошибку в свое время мне указал потомок Богдана Павловича по прямой линии — Вадим Юрьевич Виллевалде, с которым мы в последнее время интенсивно переписываемся. Я не постеснялся представиться тогда и задать ему несколько вопросов, предварительно введя его в курс наших поисков в группе. Надо сказать, что Вадим Юрьевич очень любезно отнесся к разговору. О происхождении своего знаменитого предка до последнего времени никаких сведений не имел, но зато у него обнаружилось огромное количество материалов, относящихся к изучению творчества Виллевалде, которые и были предоставлены мне.

О творчестве Б.П. Виллевалде написаны исследования, в том числе публикации в изданиях последнего времени. Видимо, можно утверждать, что «Богдан (Готфрид) Павлович Виллевалде (1818—1903) прожил счастливую жизнь художника-баталиста. Начало его творчества совпадает с особой популярностью батальной живописи, вызванной Отечественной войной 1812 г. и триумфальным походом российских войск в Европу и в Париж. Поэтому уже первые полотна выпускника и пенсионера Академии художеств («Сражение при

Фершампенуазе”, 1842) приносят Б. Виллевалде ожидаемый успех. После возвращения в Петербург он получает звание академика и приглашается на преподавательскую работу вначале в Рисовальную школу Общества поощрения художников, а затем и в саму Академию, где с 1848 г. является профессором и руководителем класса батальной живописи. Его картины, внешне эффектные своими размерами и исполнением, прославляют победы русского оружия или посвящены выдающимся событиям в современной художнику жизни — например, торжественному открытию памятника “Тысячелетие России” в Великом Новгороде, коронации императора Александра II в Москве. Конечно, батальное творчество Б.П. Виллевалде резко отличается от картин Туркестанской и Балканской серий В.В. Верещагина. Но утверждать напрашивающееся, что после В.В. Верещагина изображать войну иначе, чем он, неверно. И прежде всего потому, что люди различаются по своему происхождению, воспитанию, образованию, наконец, своим генам. И ради справедливости следует отметить, что сам Виллевалде стремился сделать свои картины более реалистичными. Он часто выезжал на место боев бесконечной для России в XIX в. Кавказской войны, чтобы получить непосредственное впечатление от нее. Он с охотой отходит от помпезности в своих работах в пользу изображения жанровых сцен военных походов, подчеркивания “разноплеменности” российской армии и нормальных бытовых отношений простых солдат и офицеров с местным населением»⁵.

Из современных исследований творчества (и биографии) Б.П. Виллевалде, безусловно, следует обратить внимание на следующие работы:

— *Плюснина Е.А.* Батальный класс Академии художеств второй половины XIX в.: дис. ... канд. искусствоведения (17.00.04). СПб., 2005. 318 с. + прил. (47 с.; ил.).

— *Боровская Е.А.* Живописец Б.П. Виллевалде (1818–1903) и его полотна военно-бытового жанра // Вестник СПбГУКИ. 2013. Март. № 1 (14). С. 122–126.

— *Шереметьев О.В.* Наполеоновская эпоха в батальной и портретной живописи России Европы конца XVIII — начала XX в.: дис. ... д-ра искусствоведения (17.00.04). Барнаул, 2010. 520 с.

— *Бардовская Л.В.* Готфрид Виллевалде — живописец императорского официоза // Журнал «Наше наследие». 2003. № 67–68. С. 128–135.

Следует сказать несколько слов о фамилии. В части, касающейся изменения написания фамилии, можно отметить, что в первоисточниках, связанных с материалами Императорской Академии художеств

(отчеты, журналы и пр.), встречается написание и *Виллевальдъ* (с буквой «ъ» в окончании) и *Виллевальде*.

Сигнатуры (подпись художника на картине) на произведениях также разнятся в написании. Почему произошла трансформация, можно только предполагать. Но такие факты в творческой среде были достаточно распространены. Например, Карл Брюллов тоже несколько изменил написание своей фамилии. Поскольку знаменитый Брюллов был учителем нашего Богдана Павловича в Академии, то имеет смысл рассказать об этой истории подробнее.

Предок Карла Павловича — Георг Брюлло — в 1773 г. прибыл в Петербург работать на Императорском фарфоровом заводе в качестве орнаментного скульптора. Внук Пауль, позже Павел Иванович, стал отцом прославленных художников и родоначальником династии. Во втором браке Павел Иванович имел много детей, из которых двое сыновей стали знаменитыми: Карл Павлович и Александр Павлович Брюлловы. Буква «-в» была пожалована Карлу и его брату Александру перед пенсионерской поездкой в Италию. В Высочайшем указе, которым было дано соизволение императора на художественную поездку Александра Павловича и Карла Павловича за границу, их фамилия «Брюлло» была изменена на русскую по форме фамилию «Брюллов». С тех пор Александр Павлович и Карл Павлович стали называться Брюлловыми, остальные же представители рода продолжали носить фамилию Брюлло.

Возможно, в юности нашего Готфрида стали называть на французский лад просто в шутку. Может быть, это какая-то игра, ведь в русском языке буква ер «ъ» очень похожа на букву ять «ѣ», и тогда, в порядке предположения, получаем модель:

Виллевальдъ → Виллевальдѣ → Виллевальде.

Так или иначе сам художник, видимо, большого значения этому факту не придавал.

Четыре года назад я попытался найти в Российском государственном историческом архиве документы, которые имели бы отношение к Виллевальде. Однако, на тот момент не владея четкой методикой поисков в архивах РГИА и не имея никакого практического опыта архивной работы, рассчитывать на успех было трудно: список добытых сведений оказался достаточно скудным. Например, интересной оказалась телеграмма в Императорскую Академию художеств от родственников художника, сообщивших о смерти Богдана Павловича в Дрездене после продолжительной болезни:

Императорская Академия художеств

17 Марта 1903 г.

Вх. № 1040

Am 24/11 Marz, morgens 6 1/4 Uhr entschlief sanft, nach langem schweren Leiden unser teurer Vater, Grossvater, Urgrossvater, Schwiegervater, Schwager und Onkel

Excellenz Gottfried von Willewald

Die traurnden Hinterbliebenen⁶

(24/11 марта в 6^{1/4} утра скончался после тяжелой продолжительной болезни наш дорогой отец, дедушка, прадедушка, тесть (свекор), деверь и дядя

Его превосходительство Готфрид фон Виллевальд

Скорбящие родственники)

Приписано секретарем: Доложено собранию Академии 19 Марта 1903 г. Память покойного почтена вставанием.

Нельзя сказать, что эта относительная неудача в поисках завела в тупик. Тем более что все последние годы мне не давало покоя упоминаемое во многих изданиях утверждение, что Богдан Павлович Виллевальде, сын богатого иностранца из Баварии, родился в Павловске и в детстве якобы даже играл с маленькими великими князьями. Чтобы получить убедительные ответы на некоторые вопросы о биографических сведениях, касающихся судьбы Богдана Павловича Виллевальде, требовалось четко сформулировать эти вопросы:

— *Что может означать кочующая из издания в издание фраза «родился в Павловске, был сыном богатого иностранца из Баварии»?*

— *Насколько можно доверять сведениям о том, что «художник, с детства знакомый с будущим царем, прекрасно знал придворно-аристократический мир, его потребности и запросы»?*

— *По чьей протекции, будучи еще учеником Академии, в 1840–1842 гг. он преподавал в рисовальной школе Общества поощрения художников, а по возвращении из-за границы был назначен учителем рисования великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, сменив в этой должности покойного Зауервейда?*

Даже имея пылкое воображение, поначалу трудно было представить, каким образом фигура Готфрида, сына скромного поселянина из немецкой колонии Ижора, могла попасть в поле зрения великих князей и тем более царствующих особ в Павловской резиденции.

Вопрос, интересный сам по себе, требовал хотя бы какого-нибудь внятного объяснения.

Впоследствии, когда довелось познакомиться с материалами, касающимися замечательной истории дворцового комплекса Павловска и близлежащих территорий, все больше становилось понятно, что удивительный поворот в судьбе ижорского колониста Пауля Виллевальда и его семьи если и состоялся, то мог быть связан с личностью основательницы Павловска — с великой княгиней, впоследствии императрицей Марией Федоровной.

«Если Петергоф донине напоминает Петра Великого, Царское Село — Екатерину II, то с Павловском неразрывны воспоминания о Марии Федоровне». Здесь и далее приводятся в пересказе материалы из интереснейшей книги М. Семевского «Павловск. Очерк истории и описания. 1777—1877 гг.»⁷, написанной в 1877 г. Книгу я прочел на одном дыхании, практически не отрываясь. И чем больше я вникал в отдельные сюжеты повествования, тем все более складывался пазл из отдельных разрозненных сведений, размышлений и невероятных предположений, касающихся судьбы Богдана Павловича Виллевальде.

На краю Павловского парка, в продолжение аллеи Красного Солнца, до сегодняшних дней сохранился павильон Фермы, построенной по указу императрицы Марии Федоровны (рис. 3) в 1802—1805 гг. Кроме парадного павильона, возведенного по проекту А.Н. Воронихина, Ферма включала различные хозяйственные постройки: хлев, птичник, служебные флигеля. Сюда было переведено хозяйство, находившееся у Молочного домика в парке. Создавая Ферму, Мария Федоровна преследовала сразу несколько целей: во-первых, чисто практическую — это образцовое хозяйство поставляло молочные продукты к столу императорской семьи; во-вторых, будучи женщиной мыслящей, увлеченной благотворительностью и идеями эпохи Просвещения, Мария Федоровна хотела таким образом познакомить крестьян окрестных деревень с прогрессивными методами ведения домашнего хозяйства.

Обширное хозяйство Фермы содержалось в образцовом порядке. Мария Федоровна лично ознакомилась со всеми подробностями ведения хозяйства. На Ферме держали породистый скот, закупали самое новое для того времени оборудование. Избытки молочных продуктов предлагались гуляющим в парке. Приплод скота отдавали «на племя» бедным многодетным крестьянам или, наоборот, самым успешным. В период с 1815 по 1828 г. Ферма процветала.

Рис. 3. В.Л. Боровиковский.
Портрет императрицы Марии Федоровны. 1790-е годы

«Во дворе Фермы в специальном флигеле жили девушки из Воспитательного дома, которых управляющий Фермой, один из немецких колонистов, вместе с женой обучал правильному уходу за домашней скотиной».

Необходимо осмыслить значимость этой важной для наших поисков информации, отмеченной на стр. 285 книги М. Семевского.

Содержание образцового хлева, птичьего двора, конюшни, безусловно, требовало определенного количества рабочих рук. Если сюда прибавить посадку деревьев и устройство цветников, то количество привлекаемых работников значительно увеличится. Зная о том, как Мария Федоровна любила все, что ей напоминало о годах детства и отрочества, проведенных в замке имени Этюп близ города Монбельяра, ставшего впоследствии французским, вполне можно предположить, что помогать в работах на Ферме должны были прежде всего колонисты основанной государыней в 1818 г. «Вюртембергской колонии Этюп». Обоснование нашей версии о том, что управляющим Фермой не мог быть колонист из Этюпа и, скорее всего, это был умудренный богатым жизненным и хозяйственным опытом, не связанный с заботами о собственном хозяйстве колонист из самой близкой к Павловску Ижорской колонии, — тема для отдельного повествования. Так или иначе, но в определенный момент возникло предположение, что, оставив, как минимум, к 1804—1806 гг. свое хозяйство в Ижоре, Пауль переселился с семьей в Павловск. Там он не только участвовал в работах на Ферме, но и, являясь управляющим, вполне мог возглавить внедрение прогрессивных форм ведения дел под непосредственным руководством императрицы, в определенной степени став ее доверенным лицом. Конечно же, Пауль Виллевалд не мог числиться в разряде прислуги или простого работника, а входил в число лиц, приближенных к царской семье. Что и говорить — версия казалась не только красивой, но и достаточно убедительной. Дело оставалось за малым — найти архивные документы, которые смогли бы подтвердить эту версию.

Когда стало понятно, где и какого рода документы нужно искать, наступил новый этап поисков сведений о личности Готфрида Виллевалде. Представлялось, что необходимо сосредоточиться на документах описи 1 фонда 493 «Павловское городское правление МИДв». Осенью 2017 г. в архивах РГИА удалось обнаружить несколько интересных документов, подтверждающих гипотезу о том, что Пауль Виллевалд, отец будущего художника, благодаря своим организаторским способностям действительно перебрался из Ижорской колонии в Павловскую Ферму для работы в качестве управляющего, или как тогда говорили — смотрителя. Весь объем найденных документов еще предстоит тщательно проанализировать, параллельно продолжая поиски, но сейчас можно привести часть документа, подтверждающего тот факт, что Пауль в 1804 г. стал смотрителем Фермы (рис. 4):

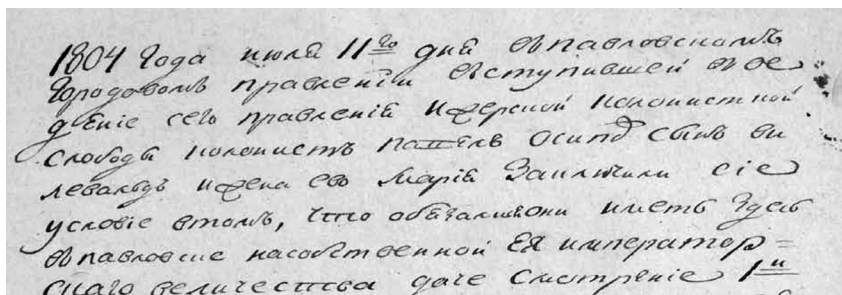

Рис. 4. Дело «Об определении к смотрению скота, хлебопашества и птиц колониста Вилевальда по увольнению скотницы Мейбаум»⁸

«1804 года июля 11-го дня в Павловском Городском Правлении вступивший в ведение сего правления Ижорской колонистской слободы колонист Павел Осипов сын Вилевальд и жена его Мария заключили сие условие в том, что обязались они иметь здесь в Павловске, на собственной Ея Императорского Величества даче смотрение: 1-е за хлебопашеством и птицеводством, а 2-е за скотом, и для того при вступлении принять им по описи с росписью в свое распоряжение весь имеющийся на даче скот и птиц. Со всей принадлежностью равно ему Вилевальду принять и всю состоящую при даче хлебопашенную и прочую землю, а потребные для хлебопашества инструменты купить ему самому не свыше назначенной в штате цены. Дать ему в полное распоряжение двух работниц с тремя лошадьми и сбруей, через коих наладить все хлебопашество на даче и около оной. Работу производить без упущений, со всем усердием на то все время, сколько нужно. Вozить навоз, получая оный в Павловске, где назначат, а также пахать, бороновать, засеивать хлебом, где приказано будет. Потом сушить, молотить и убирать в надлежащие места — ригу и амбары. Конюшни, птичьи дворы, хлева все содержать всегда в лучшей чистоте. Для всего того держать у него в распоряжении двух означенных работниц. Таковых же работниц определить для уборки хлеба и прочих работ. А притом, во время жатвы и молочения хлеба, нанимать четырех человек, но не более, как надобно лиц. А более людей уже не требовать. Всех сих работников нанимать ему Вилевальду самому, по не свыше назначенной по штату цене... Выдавать жалованье в год: Вилевальду — по двести рублей, а жене его — по сто рублей. Отвести им на даче квартиру и дать дров...»

Трудно описать чувства, которые я испытал, взяв в руки листы бумаги с живым текстом, написанным в начале XIX в. и реально подтверждающим произошедший перелом в судьбе ижорского колониста Пауля Виллевальда. Действительно, можно ли было предполагать, что версия о связи судьбы немецкого поселенца из Ижоры с царской Павловской резиденцией, а также с деятельностью императрицы Марии Федоровны подтвердится архивными документами, чудом сохранившимися? Чего тут больше — невероятной удачи или интуиции? Трудно теперь сказать определенно...

После того как были найдены документы, подтверждающие то, что Пауль Виллевальд действительно в 1804 г. стал зрителем на Павловской Ферме и что он сам, а следовательно, и его семья могли быть на виду у двора, необходимо было найти документальные (а не только косвенные) сведения о том, как его сын Готфрид попал в Императорскую Академию художеств, и получить ответ на самый главный вопрос: действительно ли художник родился в семье немецкого колониста из Ижоры?

После долгих и кропотливых поисков в РГИА наконец-то был найден документ, к которому, кажется, мы шли долгие годы. В деле 2325 фонда 789 («Дело о производстве художнику Виллевальде ежемесячно по 40 рублей»⁹) обнаружилась докладная записка руководителя класса батальной живописи профессора А.И. Зауервейда президенту Императорской Академии художеств, в которой учитель художника просил назначить Готфриду Виллевальду ежемесячное пособие в размере 40 рублей. Сведения, приведенные в докладной, наконец-то сняли все вопросы в отношении происхождения Богдана Павловича из среды немецких поселенцев. Лучше привести полностью этот документ, ставший для нас таким значимым:

«4 Октября 1838 г.

Ваше Высокопревосходительство!

Податель сего Готфрид Виллевальд, сын колониста, служившего при Ферме в Павловском во время покойной Императрицы М. Федоровны, а теперь по старости лет с пенсионом в отставке, родился в Ижорской колонии. Имея уже двух братьев, которые отцу помогают землю обрабатывать, Готфрид решил в город итти, где принят был на 5 лет для изучения как стекла и мебели раскрашивать. Мастер его г-н Юнгштетт заметил его старания и отличное поведение и подарил ему год, дозволил ему по истечении 4 лет заниматься в свою пользу, и жить

у его без всякой платы. С тех пор он ежедневно ко мне приходил, а вечером в художественных классах ?? 5–7 занимался. Прилежание, успехи и отличное поведение обратили на его внимание всех. Я ему давал копировать картины Великих Князей, чтобы он копиями бы мог поблагодарить своего мастера Юнгшета и теперь за щастие почитаю, что Ваше Высокопревосходительство мне дозволили его Вам представить. Он имеет совершенно свободный паспорт, следовательно, ему только маленькое пособие нужно для усовершенствования. Если ему по 40 рублей в месяц выдавать, чтоб он себе квартиру близ Академии нанять мог, а за сие все картины и рисунки, которые он с натуры делать будет, в пользу батального класса Академии оставить, то выдача сих денег в пользу обратится.

*Имею честь быть с истинным почтением и преданностью Вашего Высокопревосходительства всепокорнейшим слугою
А. Заурвейд».*

Таким образом, все встало на свои места: колони́стское прошлое Пауля Виллевалда, отца художника, рождение будущего академика Богдана Павловича Виллевалде в Павловске, резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны (сведения Заурвейда о рождении в Ижоре требуют дополнительного объяснения и исследования), учеба в Императорской Академии художеств и дальнейшая блестящая творческая карьера знаменитого русского баталиста.

Впрочем, поиск новых сведений, которые смогли бы ответить на оставшиеся вопросы, касающиеся судьбы Готфрида Виллевалде, не окончен. Остаются неясными его семейные дела, хотя буквально за последнее время найдено много ценнейших документов. Не вполне понятны причины отъезда художника в Германию на лечение в конце жизни. Есть еще много других историй, каждая из которых требует тщательного изучения и анализа. Буквально на каждом шагу нас ожидают открытия.

Например, портрет Богдана Павловича, выполненный известным немецким художником Фогелем фон Фогельштейном в Дрездене в 1845 г. (рис. 5). Сделанная рукой Виллевалде подпись под изображением указывает на дату и место рождения — Павловск, 29 декабря 1819 г. Но все известные на сегодняшний день упоминания свидетельствуют о рождении художника 31 декабря 1818 г.! Что это — ошибка, сделанная второпях портретируемым, или нечто иное, пусть и не намного меняющее наши представления о вехах жизни художника?

В любом случае поиски будут продолжены, и нет никаких сомнений в том, что судьба сына ижорского колониста будет подробно исследована и станет более понятна нам, ценителям и почитателям его таланта.

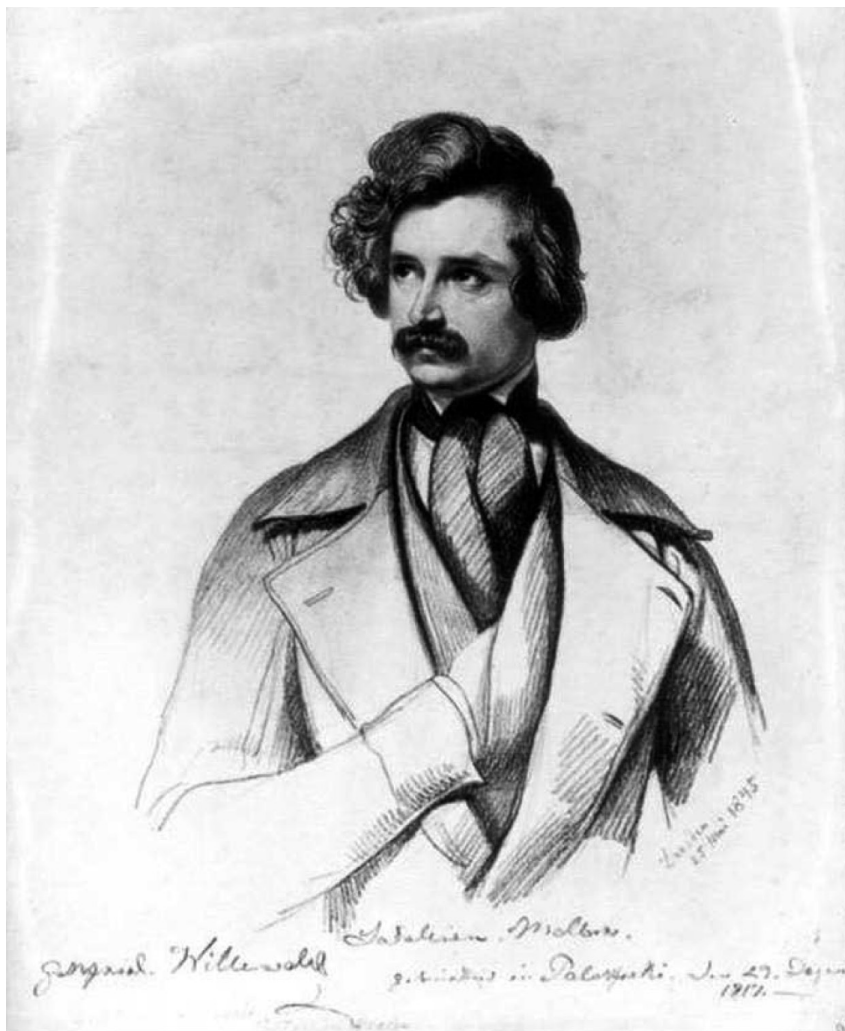

Рис. 5. Фогель фон Фогельштейн.
 Портрет Богдана Павлович Виллевальде (1818–1903). Дрезден, 1845 г.

* * *

¹ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 20.

² РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 23.

³ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 115.

⁴ *Перевышко А. Н.С.* Самокиш. Художник-баталист // Антикварное обозрение. 2003. № 1. С. 4–11.

⁵ Богдан Виллевальде. М.: Белый город, 2015. (Серия: Всемирный музей). 8 с.

⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 42.

⁷ *Семевский М.И.* Павловск. Очерк истории и описания 1777–1877 гг. / Составлено по поручению Его Императорского Высочества Государя Великого князя Константина Николаевича. СПб.: в Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1877. VIII, 592, VIII с., 22 л. ил., 1 карта: ил. 24,5×17 см.

⁸ РГИА. Ф. 493. Оп. 1. Д. 4326.

⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2325.